

лѣзненнаго, слабого состоянія, такъ и изъ опасенія, чтобы не открылось мое похищеніе. Самъ же онъ уѣхалъ въ Парижъ и поручилъ сестрѣ милосердія проводить меня туда, какъ только я буду въ силахъ предпринять это путешествіе. Никогда я не забуду своего выздоровленія: я жила лишь мыслью, что вскорѣ увижусь съ Трухачевскимъ, и съ нетерпѣніемъ ожидала его ежедневныхъ писемъ. Прошедшее казалось мнѣ какимъ-то страшнымъ сномъ. Я даже забыла о своихъ дѣтяхъ. Я дѣйствительно чувствовала, что воскресла изъ мертвыхъ и что предо мной открывается новая жизнь, полная радужныхъ надеждъ. Главною моею слабостью всегда было гордое сознаніе своей красоты, и когда я впервые увидала въ зеркалѣ свое изуродованное, внушавшее ужасъ, лицо, то я проплакала нѣсколько дней и ночей. Болѣе всего меня пугала мысль, чтобы Трухачевскій не разлюбилъ меня такую.

Въ моихъ письмахъ къ нему я откровенно объяснила поразившее меня горе и только тогда успокоилась, когда онъ, въ самыхъ пламенныхъ выраженіяхъ, клялся никогда не разлюбить меня. Наконецъ наступилъ мой отъѣздъ изъ Россіи и вскорѣ потомъ я увидала въ Парижѣ Трухачевского, съ которымъ